

Нисковский Антон Анатольевич

ТРУДОВЫЕ КАДРЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В РАМКАХ СИСТЕМЫ ГУЛАГА В КОМИ АССР

В статье изложен анализ проблемы использования принудительного и так называемого "добровольно-принудительного" труда советских граждан при решении кадрового вопроса в процессе социалистической индустриализации на региональном уровне. Выделены несколько категорий рабочих кадров пенитенциарной системы Советского Союза по степени несвободы. Сделан вывод о формировании в СССР в 1930-1950-е гг. особого "рынка" бесплатной и относительно дешевой рабочей силы, используемой в необходимых государству отраслях и направлениях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. I. С. 131-134. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

EVENING EDUCATION IN TAMBOV REGION AT THE END OF THE 1950S

Nesterova Aleksandra Aleksandrovna
Tambov State Technical University
nesterovaalexandra@yandex.ru

Basing on the materials of Tambov region the evening school role in the struggle against illiteracy and semiliteracy at the end of the 1950s is revealed. The great efforts of state, party and Komsomol organizations in evening education development as well as failures and contradictions in the activity of regional evening schools are shown. It allows concluding that people's education practice was not sufficient for that period demands.

Key words and phrases: education; illiteracy; general compulsory education; youth; evening school; Komsomol.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье изложен анализ проблемы использования принудительного и так называемого «добровольно-принудительного» труда советских граждан при решении кадрового вопроса в процессе социалистической индустриализации на региональном уровне. Выделены несколько категорий рабочих кадров пенитенциарной системы Советского Союза по степени несвободы. Сделан вывод о формировании в СССР в 1930-1950-е гг. особого «рынка» бесплатной и относительно дешевой рабочей силы, используемой в необходимых государству отраслях и направлениях.

Ключевые слова и фразы: локальная история; индустриализация; «добровольно-принудительный» труд; пенитенциарная система; ГУЛАГ.

Нисковский Антон Анатольевич

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук
vanryu@yandex.ru

**ТРУДОВЫЕ КАДРЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ
В РАМКАХ СИСТЕМЫ ГУЛАГА В КОМИ АССР[©]**

Исторически экономической моделью, позволявшей нашей стране преодолевать свою отсталость и решать важнейшие задачи как экономического, так и социального и политического характера, оказался мобилизационный тип развития, который предполагает систематическое обращение к чрезвычайным мерам для создания предпосылок выживания общества и всех его институтов. Характерным явлением одного из таких мобилизационных периодов в истории России являлось формирование особого механизма привлечения рабочей силы к стройкам социализма во времена советской индустриализации. Суть его заключалась в применении, с одной стороны, принудительного труда заключенных и спецпоселенцев, с другой – «свободных» людей, которые различными методами были привлечены к работе на необходимых государству фронтах. При этом и те, и другие использовались в рамках сталинской пенитенциарной системы.

Как известно, ГУЛАГ (Главное управление лагерей и мест заключения), являвшийся основным элементом пенитенциарной системы Советского Союза в 1930-1950-х гг., был одновременно важным звеном в структуре экономики страны [17, с. 67]. Организуемые в регионах исправительно-трудовые лагеря, спецпоселки и иные поселения имели своей основной целью промышленное освоение и развитие этих территорий. Также не секрет, что Коми АССР в тоталитарной политике государства занимала особое место, что выразилось в создании в этом крае самой крупной сети лагерей и спецпоселений на Европейском Северо-Востоке СССР и, пожалуй, по всей стране.

Здесь уместно отметить, что идея использования заключенных в решении программы экономического развития области возникла еще в начале 1920-х гг. и принадлежала заведующему Коми (Зырянского) отдела при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР, известному деятелю Коми национального движения Д. А. Батиеву. Он обратился в Политическое бюро ЦК РКП(б) с докладной запиской, в которой предлагал организовать возле р. Ухты трудово-исполнительную колонию [16, с. 38].

В рамках начавшегося в конце 1920-х гг. процесса индустриализации местные власти в регионе планировали создать полный цикл обработки лесной продукции, включавший лесозаготовку, деревообработку, лесохимическое производство. С развитием этой отрасли промышленности постепенно выдвигалась бы добыча и переработка полезных ископаемых, открытых в это время на территории Коми края. Однако практически сразу было ясно, что наладить добычу и переработку собственными силами регион не мог – прежде всего

в силу малочисленности населения, особенно северных территорий, где находилась основная часть природных богатств, и почти полного отсутствия промышленных рабочих [2, с. 42-43]. Этот факт повлек за собой дальнейшие события в истории республики, а именно использование лагерного метода в ее освоении. Власть поняла, что может «убить одним выстрелом двух зайцев» – во-первых, убрать из поля зрения, как это тогда говорилось, «социально опасные элементы» (в том числе физически) и, во-вторых, за их счет наладить добычу и транспортировку природных богатств Севера.

Специфика лагерного строительства нашла свое отражение в докладной записке Управления Главжелдорстроя (Главного железнодорожного строительства) Народного комиссариата путей сообщения в ноябре 1932 г.: «Общая тенденция ГУЛАГа, – отмечено в документе, – показать максимальное выполнение работ, не заботясь о правильности их выполнения...» [9, с. 8].

Колебания численности спецконтингента в разных подразделениях зависели от производственных задач, требовавших притока рабочей силы на тот или иной участок, заболеваемости и смертности заключенных. Уже в 1930 году в Коми находилось свыше 20000 заключенных [13, с. 498]. Через самые большие лагеря системы ГУЛАГа в регионе, такие как Северный железнодорожный лагерь, за период его существования с 1939 г. по 1950 г., прошло (путем суммирования списочных составов на 1 января каждого года) 371400 человек, Северо-Печорский железнодорожный лагерь (1941-1950 гг.) – 473200 человек, Усть-Вымский лагерь (1931 г., 1938-1959 гг.) – более 380000 человек, Воркутинский лагерь (1939-1959 гг.) – более 700000 человек, Ухто-Печорский лагерь (1932-1938 гг.) – 179900 человек [12, с. 129]. Социальный состав определялся явным преобладанием крестьян. В 1929-1934 гг. на втором месте стояли мещане, затем дворяне, священники и рабочие. С 1934 года стремительно увеличивается количество служащих и рабочих.

По возрасту преобладала группа от 30 до 60 лет (около 60% списочного состава). Заключенные в возрасте от 20 до 30 лет составляли около 25-30% списочного состава лагерных подразделений. По национальному составу доминировали русские (85-90%), затем шли украинцы, белорусы, татары, немцы и другие. Женщины составляли около 10% списочного состава лагерей [10, с. 203].

Многие заключенные отбывали срок по 58-й статье Уголовного Кодекса РСФСР (эта тенденция наметилась с 1936 года, времени «кровавого террора») «Преступления государственные и контрреволюционная деятельность» [7, д. 527, л. 124-125]. В государстве заключенные неофициально делились на «политических» и уголовных: «Нас называли СОЭ – социально опасный элемент и СВЭ – социально вредный элемент. Политические заключенные, осужденные особой комиссией НКВД (*Народного комиссариата внутренних дел – прим. авт.*), обычно относились к первой категории, а уголовники, осужденные административно, входили во вторую категорию» [1]. Первые считались «врагами народа», вторые – «друзьями народа». Соответственно, судя из формулировок, «врагов» необходимо было изолировать либо уничтожить, «друзей» можно и нужно перевоспитать.

Однако по стране осужденные по 58-й статье количественно составляли от четверти до трети всех заключенных ГУЛАГа. Большинство узников лагерей не были ни «политическими», ни уголовниками, «а лишь обычными гражданами, жертвами полицейского подхода к трудовым отношениям и нормам социального поведения»: «Они попадали в лагерь по одному из многочисленных репрессивных законов, которыми были окружены практически все сферы деятельности. Законы касались «расхищения социалистической собственности», «нарушения паспортного режима», «улиганства», «спекуляции», «самовольных отлучек с рабочего места», «работаж» и «недобора минимального числа трудовых дней» в колхозах» [8, с. 67].

Использовался также труд заключенных, осужденных за уголовные преступления, но таких было немного. Кроме того, они привлекались к наиболее легким работам. Уголовники были своего рода опорой лагерного начальства. Им многое прощалось, например, почти открытое воровство [3, с. 123].

Лагеря часто получали такую рабочую силу, которая не могла выполнять физическую работу, а те, кто попадал в исправительно-трудовые учреждения ГУЛАГа, в большинстве своем становились доходягами, людьми, доведенными до крайнего физического истощения. Вследствие неудовлетворительных условий содержания заключенных, отсутствия жилищного фонда (использовались палатки, временные бараки), антисанитарии, скудности питания, нехватки обуви и одежды и других самых необходимых вещей, очень высока была заболеваемость и, как следствие, смертность.

Особенностью упоминаемого исторического периода являлось отношение власти к людям как «винтикам» государственной машины, которые в любой момент можно использовать там, где нужно и при необходимости легко заменить. Мы полагаем, что наиболее показательными являются воспоминания Б. Д. Серова, в которых иллюстрируется это положение: «Еще более отвратительный случай с инженером-лесоизыскателем Николаем Григорьевичем Орловым... Михаил предложил (*Николаю Орлову – А. Н.*) пойти на работу в НКВД инженерами, дескать, своих-то они не тронут. Николай посмеялся, а брат осуществил свое намерение, и был направлен на Дальний Восток. В 1937 году в ведомстве, где он работал, понадобился специалист по лесу. На одном из совещаний у Михаила вырвалось: «Эх, был бы сейчас рядом мой Коля, все бы решили без труда». Его спросили, кто такой Коля, где живет. А через два месяца Николай с приговором 10 лет лишения свободы предстал пред «ясные очи» старшего брата» [11, д. 24, л. 2-3].

Еще одной категорией строителей Севера являлись спецпоселенцы (или спецпереселенцы) – репрессированные крестьяне и иностранцы, осужденные в шпионаже или этнические принадлежавшие к врагам советского государства (немцы, поляки и т.д.). Государство намеревалось использовать их принудительный труд для решения задач модернизации экономической системы страны. Спецпоселенцы были необходимы для освоения лесных богатств Коми края. Спецификой переселения выступало то, что людей перевозили вместе

с семьями и некоторым личным имуществом для создания хозяйства на новом месте жительства, т.е. была организована грандиозная принудительная миграция.

Секретное постановление Совета народных комиссаров (СНК) СССР в августе 1930 года предписывало ВСНХ (Высшему совету народного хозяйства) наметить конкретные меры по максимальному использованию спецпереселенцев-кулаков на лесозаготовительных работах [5, д. 3125, л. 4]. 26 января 1930 г. в трест «Комилес» (в основном новые трудовые резервы передавались в его ведение) поступила инструкция, в которой указывалось, что «в Высших органах разрабатывается проект расселения кулацкого элемента деревни, преимущественно в северных частях Союза, с возможностью для этого элемента заниматься общепользовным трудом» [Там же, л. 46].

В Коми край выселялись хозяйства из Нижневолжского, Средневолжского и Нижегородского краев, Центрально-Черноземной области, некоторых районов Северного края, Украины, Белоруссии и Крыма. Первые небольшие партии административно-ссылных в регионе появились уже в 1929 году. К 23 октября 1930 г. в Коми было передислоцировано 18971 человек (семьями), в 1931 г. выселено 21714 человек, а к 1933 г. общая численность спецпереселенцев достигла 24932 человек. В 1934 г. в спецпоселках проживало 20166 человек, к концу 1938 года – 18850. На 1 января 1937 года в Коми АССР было размещено 21600 спецпереселенцев.

В 1932 году численность спецпереселенцев достигла максимального уровня за весь период – 38902 человека. Национальный состав спецпоселенцев, по данным Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР, на 1 мая этого года в Коми был таков: немцы – 2359, чувашаи – 265, евреи – 9, татары – 505, мордвинаи – 283, киргизы – 143, поляки – 31, армяне – 39, чехи – 83, русские – 35149 [14, с. 68].

Управлением спецпоселков ведали специальные комендатуры ОГПУ. Они, помимо своих специальных оперативных и хозяйственных функций, осуществляли обычные административные функции: «...контроль за рациональным использованием труда спецпереселенцев, а также своевременное и объективное информирование вышестоящих инстанций и руководства хозорганизации о всех выявленных недостатках» [15, с. 117]. Комендатуры вырабатывали правила внутреннего распорядка поселков, которые после утверждения «сверху» доводились до всеобщего сведения жителей поселков как обязательные административные постановления. Также, по своему усмотрению, они определяли объемы и характер работ спецпереселенцев, следили за их выполнением, устанавливали величину продовольственных фондов для снабжения спецпоселенцев и нормы их распределения, наблюдали за порядком в поселках и выполняли некоторые другие функции. В случае нарушения правил внутреннего распорядка коменданты поселков пользовались широкими правами на административные меры взыскания по отношению ко спецпоселенцам – перевод на более тяжелые и хуже оплачиваемые работы, взимание денежных штрафов и арест, переселение в другие поселения и др. Жителям поселков запрещалось свободное передвижение вне поселков и выезд за их пределы без разрешения комендатур, кроме того, им не выдавали какие-либо удостоверения и иные документы.

Стоит упомянуть, что в спецпоселках существовала разветвленная система доносительства, позволявшая спецпоселенцам-доносчикам улучшить свое материальное положение.

С 1941 года правовой статус спецпереселенцев был определен следующим образом: «Трудпоселенцы не являются свободными гражданами СССР, а являются гражданами СССР без права выезда с мест поселения, наблюдение за которыми возложено на органы НКВД» [6, д. 68, л. 97]. Постановление СНК СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» объявляло: «За нарушение трудовой дисциплины спецпереселенцы привлекаются к ответственности в соответствии с существующими законами. Спецпереселенцы не имеют права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района, обслуживаемого данной комендатурой. Отлучку рассматривать как побег, влечет за собой уголовную ответственность» [Там же, д. 183, л. 10].

Массовые выселения людей с отправкой на спецпоселения практиковались и в годы Великой Отечественной войны, и в послевоенный период. В 1949 г. на предприятиях «Комилеса» работало 18450 спецпереселенцев [5, д. 3287, л. 8].

В результате принудительных миграций национальный состав населения Коми АССР был представлен практически всеми национальностями страны, а также представителями народов других государств: «Мощный поток внешних миграций способствовал бурному росту численности населения республики и оказал решающее влияние на его этнический состав» [18, с. 74].

В отдельную немногочисленную, но имевшую место быть категорию трудовых кадров входили трудмобилизованные комсомольцы, а также вольнонаемные рабочие, которые хотя и были номинально свободны, работали, в большинстве своем, «добровольно-принудительно», т.е. не по собственному желанию. В 1940 г., «по договоренности с секретарем Областного комитета ВКП(б) Коми АССР т. Тараненко» [4, д. 150, л. 7], началась подготовка к приему мобилизованных на работу в лагерях комсомольцев. В Севжелдорлаг, к примеру, в этом году прибыло 616 членов Коммунистического союза молодежи. Последние использовались в качестве как разнорабочих, так и инженерно-технических работников, в том числе при проектировании деревянных и больших мостов через Печору, Косью, Кожим, Усу, Сейду и Воркуту [Там же, л. 9, 41]. Помимо этого, в задачи комсомольцев входило проведение «массово-разъяснительной работы» со спецконтингентом, которая шла с переменным успехом, поскольку молодые люди довольно часто «теряли связь» с партийной организацией и занимались профилактическими беседами лишь формально.

Великая северная стройка привлекла, кроме вышеперечисленных, вольнонаемных работников. На начало 1941 года в Севжелдорлаге таких насчитывалось 1107 человек. Внимания заслуживает то обстоятельство,

что «в числе этих кадров много молодых специалистов, в прошлом году окончивших учебные заведения и прибывших на строительство впервые» [Там же, л. 32]. Таким образом, стоит усомниться в полной свободе их решения ехать на Север. Здесь речь идет скорее о необходимости, чем о желании. По профессиональному составу это были в основном инженерно-технические и медицинские работники. Однако, как отмечали в самих лагерях, оценив весьма неблагоприятную обстановку, многие из них всячески старались трудиться «поближе» к управлению лагеря, где еще были организованы относительно комфортные бытовые условия.

Ликвидация в 1950-х гг. лагерной системы ГУЛАГа потребовала перестройки механизма комплектования индустриального комплекса Коми края рабочей силой. Вместо принудительного труда заключенных и спецпоселенцев на первое место вышла система вольнонаемного труда, которая требовала применения других методов привлечения трудовых ресурсов.

Итак, советское государство в 1930-1950-е гг. создало и активно использовало обширный «рынок» бесплатной рабочей силы, которую применяло для решения задач индустриализации Европейского Севера страны. При этом механизм привлечения трудовых кадров подразумевал применение различных категорий людей, различающихся по степени несвободы. Сюда входили заключенные исправительно-трудовых лагерей, спецпоселенцы, трудмобилизованные комсомольцы, а также вольнонаемные рабочие. Несмотря на разный, с юридической точки зрения, социальный статус, все они находились в экстремальных условиях, и их труд тем или иным образом нес принудительный характер. Отсюда же следует объяснение феномена «добровольно-принудительного» труда, которое прочно бытует в коллективном сознании нашего общества в настоящее время и является неким синдромом «постсоветского человека». Подробный анализ этого явления позволит в дальнейшем не только объяснить психико-поведенческие установки советского человека, но и поможет корректировать вектор современного развития общества и государства.

Список литературы

1. **Бегин М. В.** Ночи белы, а дни наши черны / публ. и перев. А. Нисковского // Печорское время. 2003. 22 августа.
2. **Беловол В.** Роль местных органов управления в реализации индустриальной политики Коми АССР // История политических репрессий в СССР в 1930-1950-е годы. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-тет, 2006. 136 с.
3. **Войтоловская А. Л.** По следам судьбы моего поколения. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1991. 334 с.
4. **Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (ГУРК «НАРК»).** Ф. П-498. Оп. 1. Печорский окружной комитет ВКП(б).
5. **ГУРК «НАРК».** Ф. Р-144. Оп. 1.
6. **ГУРК «НАРК».** Ф. Р-605. Оп. 4.
7. **ГУРК «НАРК».** Ф. Р-1668. Оп. 1.
8. **Куртуа С., Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковски А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л., Коффер Р., Ригуло П., Фонтен П., Сантамария И., Булук С.** Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии / пер. под рук. Е. Л. Храмова. М., 1999. Ч. 1. Государство против своего народа. 780 с.
9. **Максимова Л. А.** Лагерная индустриализация в Коми: опыт анализа. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2005. 24 с.
10. **Морозов Н. А.** Интернационал ГУЛАГа в Коми // Родники Пармы: науч.-популяр. сб. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1996. Вып. IV. С. 201-209.
11. **Печорский историко-краеведческий музей.** Ф. 31. Оп. 50.
12. **Рогачев М. Б.** ГУЛАГ в Коми крае (1929-1960) // Финно-угроведение. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского НИИ языка, литературы и истории, 2009. № 1. С. 127-131.
13. **Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923-1960:** справочник / сост. М. Б. Смирнов. М.: Звенья, 1998. 600 с.
14. **Сквозников В. Я., Жеребцов И. Л. и др.** Население Республики Коми: прошлое, настоящее и будущее (о чем рассказывают переписи). Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2001. 201 с.
15. **Упадышев Н. В.** ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад: монография. Архангельск: Поморский госуниверситет, 2007. 324 с.
16. **Фотолегопись Республики Коми строками судеб.** Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2011. 400 с.
17. **Хлевнюк О. В.** Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930-1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М.: РОССПЭН, 2005. С. 67-89.
18. **Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века):** очерки истории народонаселения / отв. ред. В. В. Фаузер. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2006. 184 с.

LABOR RESOURCES OF SOVIET INDUSTRIALIZATION WITHIN FRAMEWORK OF GULAG SYSTEM IN KOMI AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC

Niskovskii Anton Anatol'evich

*Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Center of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
vanryu@yandex.ru*

The article describes the analysis of the problem of the forced and so-called «voluntary-compulsory» labor of the soviet citizens in addressing personnel affairs in the process of socialist industrialization at regional level. Several categories of penitentiary system personnel in the Soviet Union are determined according to the degree of unfreedom. The author comes to the conclusion about the formation of the special «market» of free and relatively cheap labor force employed in the essential industries and directions of the USSR in the 1930-1950s.

Key words and phrases: local history; industrialization; «voluntary-compulsory» labor; penitentiary system; Gulag.